

и многие статьи устава, касающиеся работы общего собрания, периодичности его проведения, деятельности рабочих комиссий в промежутках между общими собраниями, совпадали с соответствующими статьями ее устава.

Принципиальные замечания о проекте высказал Ягич в письме Шахматову. Самое существенное из них касалось ограничения задач Союза одним только славяноведением. По-видимому, Ягич представлял себе будущий Союз как некий противовес Международной ассоциации академий и предполагал, что, как и по МАА, он будет иметь в своем составе не только историко-филологическое отделение, но и отделение естественных наук. «Ограничиваясь одним славяноведением, — писал Ягич, — мы бросаем на союз тотчас тень и подозрение какого-то „панславизма“ или „неославизма“ и т. д.»⁴⁵⁰

Текст проекта устава подвергся окончательной обработке и был принят Отделением русского языка и словесности на заседании 30 апреля 1911 г. Тогда же было решено послать проект славянским академиям: Краковской, Чешской, Югославянской, Сербской и Болгарской с приглашением войти в Союз. Проект был встречен академиями по-разному: если Югославянская и Болгарская академии с благодарностью приняли приглашение Императорской Академии наук войти в состав Союза, то Чешская и Краковская академии наук его отклонили из опасения, что Россия будет доминировать в этом союзе. Чешскую Академию наук все-таки удалось убедить принять участие в совещании, которое состоялось 7–20 мая 1912 г.⁴⁵¹ Краковская Академия не изменила своего решения и уклонилась от участия в Союзе.

На совещании был принят Устав Союза славянских академий и ученых обществ, в котором сформулированы цели образования союза: «1) выполнение общими силами и средствами значительных по своим размерам научных предприятий в области славяноведения; 2) содействие разрешению научных вопросов в той же области, поставленных хотя бы одним из членов Союза». Балканские войны и Первая мировая война не позволили Союзу развернуть свою деятельность.

Годы Первой мировой войны

Мировая война 1914 г. чрезвычайно сильно отразилась на развитии Академии наук и вызвала почти полный распад научных связей. Предполагавшиеся на 1914 г. в Петербурге съезды Сейсмологической ассоциации и Международного астрономического союза не состоялись, под вопросом была и судьба Международного исторического съезда, назначенного на 1918 г.

---

⁴⁵⁰ Письмо Ягича И. В. Шахматову А. А. от 4 (17) мая 1911 г. Вена // Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) / Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1948. С. 321–322.

⁴⁵¹ Письмо II Отделения Академии наук Чешской Академии наук от 25 (28) апреля 1912 г. // Там же. С. 350–351.

Международная ассоциация академий фактически прекратила свою работу, хотя Берлинская академия, которая должна была ведать делами Ассоциации, и пыталась сохранить ее передачей своих полномочий Королевской академии в Антверпене, но академии стран Антанты на это не пошли. Расстройство сообщений привело к почти полному прекращению обмена изданиями и научной информацией, некоторые научные материалы застряли за границей, например, экспонаты БАН на Лейпцигской книжной выставке 1914 г.

Сократились кредиты и ассигнования на научные мероприятия и расширение научных учреждений. Прекратила свою деятельность Севастопольская биологическая станция в связи с военными действиями на Черном море. Ряд работников в Музее антропологии и этнографии, в Физиологической лаборатории и других учреждениях были мобилизованы.

Ученые Академии наук приняли самое активное участие в решении задач, связанных с укреплением обороноспособности страны. В 1915 г. была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), которой предстояло наладить учет и сделать общедоступными сведения о производительных силах России⁴⁵², ее председателем стал А. С. Фаминцын, товарищем председателя В. И. Вернадский. Одновременно с созданием КЕПС возник временный Ломоносовский комитет; однако деятельность этих учреждений разворачивалась чрезвычайно медленно; весь 1915 год прошел в организационных делах и хлопотах о средствах. В Академии появилась еще одна новая организация — Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС). В 1917 г., в связи с перспективой окончания войны и предстоящего пересмотра границ, появилась необходимость составления этнографических карт пограничных районов, но последующие политические события заставили изменить первоначальную программу КИПС.

В первые годы войны в Академии наук была учреждена Полярная комиссия под председательством академика А. П. Карпинского⁴⁵³. Мировая война чрезвычайно повысила значение северных морских границ России и обнаружила необходимость систематического исследования Арктики. Впрочем, ее деятельность развернулась в послевоенные годы. В 1916 г.

---

⁴⁵² Подробнее см.: *Кольцов А. В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930. СПб., 1999.

⁴⁵³ Еще в 1899 г. была учреждена Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции. В 1900–1903 гг. экспедиция во главе с Э. В. Толлем отправилась на поиски земли Санникова и для исследования островов, расположенных к северу от Новосибирского архипелага. Чтобы придать экспедиции статус важного государственного предприятия, Константин Константинович обратился к Николаю II с просьбой принять ее под свое покровительство: «Дорогой Ники, — писал он царю, — весной прошлого года Ты изволил

была создана Комиссия «Наука в России», специально занимавшаяся учетом научных сил страны и выпустившая позднее справочник об ученых специалистах и научных учреждениях столиц. Далее Академия попыталась восстановить связи с союзными странами, учредив Комиссию по установлению более тесных культурных сношений с ними и поставила в качестве ее задач издание сборника «Русская наука» и обмен информацией о ходе научных работ⁴⁵⁴. Лаппо-Данилевский в 1916 г. выступил в Англии на съезде, посвященном России, с докладом о развитии русской науки и культуры⁴⁵⁵. В мае того же года английские историки посетили Академию наук в Петербурге. Во время этого визита обсуждались планы создания многотомного труда по истории и культуре России на английском языке под редакцией Лаппо-Данилевского⁴⁵⁶.

Важное значение имела кампания по охране научных ценностей в районах военных действий⁴⁵⁷. В самом начале войны Академия образовала Комиссию по вопросу об охране исторических памятников и научных коллекций в районе военных действий, которая решила направлять туда уполномоченных Академии наук. Тотчас после занятия Галиции русскими войсками в Академии наук был поднят вопрос об охране культурных

отнестись с полным сочувствием к мысли о снаряжении ученой экспедиции на лежащую к северу от Новосибирских островов землю Санникова, куда еще не ступала нога человека. Ты одобрил желание, чтобы первою ногою, ступившею на эту неведомую землю, была русская нога»: ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17. Л. 17. Участники экспедиции выполнили комплекс гидрографических, физико-географических и геологических исследований и собрали богатый зоологический и ботанический материал. Как выяснилось во время путешествия, экспедиционное судно «Заря» не было приспособлено к плаванью в сложных полярных условиях. Уголь для него привозили специальные санные партии на остров Котельный, и его доставка обошлась дороже самой «Зари». Поэтому президент в мае 1902 г. отдал приказ экспедиции вернуться, но Толль, увлеченный идеей найти землю Санникова, не подчинился приказу и вместе с тремя спутниками отправился на ее поиски и пропал без вести. Для спасения Толля была организована экспедиция во главе с А. В. Колчаком, но все поиски были безрезультатны. Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции в течение многих лет издавала «Научные результаты Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг. под начальством Э. В. Толля».

⁴⁵⁴ Тункина И. В. 1) О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916–1930 гг.) // Петербургская Академия в истории академий мира. СПб., 1999. Т. 1. С. 182–194; 2) К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний (1921–1932): Из истории организации историко-научных исследований и Академии наук. Сб. документов / Сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. С. 637–659.

⁴⁵⁵ *Lappo-Danilevsky A. S. The Development of Science and Learning in Russia // Russian Realities and Problems / Ed. J. O. Duff. Cambridge, 1917. P. 135–229.*

⁴⁵⁶ Тараторкин Ф. Г. А. С. Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915–1918) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

⁴⁵⁷ О деятельности Академии наук по охране памятников истории и культуры см.: Соболев В. С. Для будущего России. Деятельность Академии наук по сохранению национального культурного и научного наследия: 1890–1930 гг. СПб., 1999. С. 47–57.

ценностей во Львове и других городах Галиции. Определились две точки зрения: А. И. Соболевский настаивал на немедленном изъятии «по праву войны» из Львовского университета, монастырей и ученых обществ рукописей и перевозке их в Киев. Большинство же академиков во главе с академиком Шахматовым смотрело на охрану как на временную меру для предупреждения гибели памятников, т. е. все вывезенные научные ценности подлежали по окончании войны возврату владельцам. Это мнение возобладавало и было одобрено Общим собранием.

Первая поездка уполномоченного Академии (Е. Ф. Шмурло) состоялась, с согласия Верховного главнокомандующего, в район юго-западного фронта в 1915 г., но особых результатов она не имела, ввиду последовавшей вскоре галицийской катастрофы и отступления русских войск. В 1916 г. Академия вновь пыталась организовать спасение ценностей на западном фронте, на этот раз уже с русских территорий в районе отступления русских войск. Но попытки кончились неудачно, так как не нашлось желающих туда поехать. В начале 1915 г., воодушевленный успешным развитием военных действий и приближением русских войск к Стамбулу, Ф. И. Успенский, директор Русского археологического института в Константинополе, находившегося под покровительством Академии наук, обратился к Константину Константиновичу с докладом о необходимости создания комитета для охраны памятников Царьграда и его окрестностей. 2 июня 1915 г., за несколько часов до смерти, Константин Константинович согласился возглавить этот комитет, и экстраординарное собрание, состоявшееся 9 июня 1915 г., подготовило «Проект положения о Высочайше учрежденном Комитете по описанию, охране и поддержанию археологических памятников Царьграда и его окрестностей»⁴⁵⁸. Вследствие изменения военной обстановки Комитет не смог приступить к работе. В 1916 г. Марр возглавил работы по охране памятников на Кавказском фронте. В 1916 и 1917 гг. экспедиция под руководством академика Успенского занималась изучением и охраной памятников Трапезунда.

В июле 1914 г. в Академии наук возникла мысль об устройстве лазарета для раненых и больных воинов⁴⁵⁹. Средства на содержание лазарета составили добровольные отчисления сотрудников: пятипроцентные — для действительных членов Академии и двухпроцентные — для прочих должностных

---

⁴⁵⁸ Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999. С. 138–140.

⁴⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Протоколы комитета по устройству состоящего под покровительством его Императорского высочества великого князя Константина Константиновича лазарета при Императорской Академии наук для раненых воинов. Всего было 40 заседаний, последнее прошло 12 декабря 1916 г.

стных лиц. Президент Академии Константин Константинович принял лазарет под свое покровительство и отчислял на его нужды все свое содержание⁴⁶⁰. После его смерти лазарет был принят под покровительство великой княгини Елисаветы Маврикиевны и получил наименование Лазарет имени Великого князя Константина Константиновича для раненых воинов, состоящий под покровительством ее Императорского высочества великой княгини Елисаветы Маврикиевны при Императорской Академии наук. Председатель Правления Котляревский обратился к почетным членам с просьбой о ежемесячных взносах на содержание именных коек, и свое согласие выразили великие князья Николай Михайлович и Георгий Михайлович, принц А. П. Ольденбургский, граф И. И. Толстой и др.; караимская община дала средства на 15 коек имени этой общины.

Лазарет расположился в Большом конференц-зале и прилегающих к нему помещениях. Первым делом у слепка диплодока, находившегося в Большом зале, были сняты хвост и шея, и оставлено только туловище. Академические дамы, жены и дочери членов Академии, позаботились об изготовлении белья, постельных принадлежностей и оборудовании столовой и кухни. Первых раненых лазарет принял 16 октября 1914 г.

Для заведования хозяйственной частью лазарета был создан специальный комитет. Никитин был избран его председателем и счел своим долгом нести дежурства наравне с прочими членами комитета, со свойственной ему аккуратностью исполнял эту обязанность и неукоснительно являлся в свои «дежурные дни» в белом халате в лазарет. После смерти Никитина 5 мая 1916 г. комитет учредил койку имени покойного председателя, так много потрудившегося на пользу лазарета и раненых. Новым председателем комитета был избран Бородин. С 16 октября 1914 г. по 1 октября 1916 г. в лазарете прошли лечение 296 раненых и больных⁴⁶¹. Лазарет был закрыт

---

⁴⁶⁰ Кроме академического лазарета, имя вел. кн. Константина Константиновича носил лазарет Женского педагогического института. Однажды в декабре 1914 г. проведать раненых приехала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Направлялась она в Женский педагогический институт, но по ошибке ее привезли в Академию наук. Здесь недоразумение выяснилось, но сторож на вопрос, где находится Педагогический институт, имел глупость указать в сторону здания гинекологического института. Там Мария Федоровна тоже не была узнана, и только когда уже сама заметила, что ее ведут в лазарет не для раненых, вернулась к выходу, где была встречена подоспевшим полицейским, сказавшим правильный адрес Педагогического института на Большой Посадской улице Петроградской стороны. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 72.

⁴⁶¹ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Отчет о деятельности состоящего под покровительством его Императорского высочества великого князя Константина Константиновича Лазарета при Императорской Академии наук для раненых воинов. Л. 4–5; Предварительный отчет. С основания Лазарета по 1 сентября 1915 г. Петроград, 1915. Л. 6–12; Второй предварительный отчет (с 1 сентября 1915 года по 1 октября 1916 года). Л. 13–18.

22 ноября 1916 г. в связи с необходимостью ремонта помещений и инвентаря лазарета и малым количеством раненых⁴⁶².

*К вопросу об исключении
«подданных враждебных России государств»*

Осенью 1914 г. страну захлестнула волна германофобии. Немецкое посольство подверглось разгрому, толпа подожгла некоторые представительства немецких фирм и принадлежавшие немцам магазины. Живущим в России немцам с первых же дней войны пришлось испытать немало оскорблений и унижений. Прессу заполнили ура-патриотические вирши такого рода:

«Мы, конечно, победим!
Всем откроем мы объятия,
Озверелым лишь одним
Немцам — ненависть, проклятье!
Они кичатся просвещеньем?
Хвала германскому уму —
Мы зверя видим с отвращеньем
В густом отравленном дыму...
Но, право, Русская земля
От древних лет своих начала
И никогда в былой войне
Подлее немца не встречала,
Который служит сатане
Одному —
Потому:
Мы, конечно, победим!
Всем забвенья без изъятья.
Озверелым лишь одним
Немцам — ненависть, проклятье!»⁴⁶³

Шквал обвинений обрушился и на Академию наук. «Злые недоброжелатели» ставили ей в упрек обилие немецких имен в списках почетных членов и членов-корреспондентов (свыше 25 процентов), обвиняли «васи-

---

⁴⁶² Там же. Д. 2. Л. 248.

⁴⁶³ Рогович А. Б/названия // Летопись войны 1914—1915 гг. № 52. 1915 г. С. 837—838. Ср. Дмитриевская-Горбунова Ел.:

«Народ наш терпелив и многое прощает;
Но если встанет он, тогда уж — берегись!
Он в грозном шествии все на пути сметает...
Дорогу! Русь идет! Тевтон, посторонись!» Там же. № 39. 1915 г. С. 632.